

С. Н. Бабий

ОЙКОНИМИЯ АНДРЕАПОЛЬСКОГО РАЙОНА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

The article deals with semantic and word-formative aspects of the oikonymic system of Andreapol district of Tver region from the synchronic point of view. The names of settlements in Andreapol district (about 900 facts) served as material for the investigation. Complex approach to the study of oikonoms (etymological analysis, cartographical, structural and statistic methods) enabled to make a conclusion that the formation and origin of oikonoms in Andreapol district of Tver region are stipulated by the structure of the language, social, historical and natural geographical conditions and correspond to the level of social development, aesthetic and ethical requirements of the time.

Key words: toponym, oikonum, appealative, anthroponym, topoformant.

Ойконимия, под которой понимается совокупность названий населённых пунктов определённой территории, представляет особый интерес для научного исследования, т.к. в ней отражаются этапы истории материальной и духовной культуры создавшего её народа, проявляются языковые закономерности. Этим объясняется наше обращение к семантическому аспекту ойконимии Андреапольского района Тверской области.

Андреапольский район, расположенный на западе Тверской области, был образован в 1931 г. Административный центр района – г. Андреаполь, который вырос на месте погоста Дубна, впервые упоминавшегося в литовской метрике 1489 г. Первоначальное название посёлка – *Андреяно Поле* – связано с именем его владельца, помещика Андрея Кушелева.

Многовековое заселение Андреапольского района привело к обилию топонимов различной языковой принадлежности. Например, к древнейшим топонимическим пластам различных народов (финно-угров, турок, балтов) относятся образующие основы ойконимов *д. Бекляшиха*, *д. Мыза*, *д. Тура*, *д. Нетесьма*, *д. Жукопá*, к древнеславянским топонимам – *д. Рáменье*, *д. Городи́ще*, *д. Подвя́зье*, *д. Хоти́лицы*, *д. Студени́ца* и другие; мощный пласт русских топонимов – *д. Дми́трово*, *д. Агафо́ново*, *д. Покро́вское*.

Синхронное направление в изучении ойконимов является перспективным для решения ряда ономастических и в целом языковых проблем. При системном описании ойконимии познаются слагаемые системности, современное состояние, состав, мотивы наименования.

Такой аспект исследования раскрывает связь ойконимии с объективной действительностью, т.е. то, как население воспринимает наименование, осмысливает его независимо от соответствия или несоответствия данного понимания первоначальному значению исходного слова.

Достаточно ясная с синхронной точки зрения семантика образующих основ большинства ойконимов позволила распределить фактический материал (900 наименований) по двум тематическим группам: названия культурно-исторического и естественно-географического характера. В первую из них входят личные наименования жителей и владельцев селений, религиозно-культурная лексика, слова, связанные с хозяйственной и социальной жизнью человека (450 наименований).

В данной тематической группе встречаются следующие ойконимы: 1) названия, образованные от личных имён или фамилий с канонической базой (д. *Бóрино*, д. *Агафóново*, д. *Влáсовка*, д. *Герáсимова*, д. *Ефíмово*, д. *Кузьминó* – всего 82 онима); 2) названия, образованные от деминутивной формы личного имени (д. *Волóдькино*, д. *Кондраши́*, д. *Митрóшино*, д. *Тимóнькино* – всего 102 наименования); 3) названия, образованные от прозвищ, которые давались человеку по основным чертам его характера (д. *Базу́ево*, *базу́нь* ‘драчливый, шатун, своевольник’, д. *Вау́лино*, *ваула* ‘лентяй, неряха’, д. *Воры́гино*, *ворыга* ‘обманщик’, д. *Сипи́тино*, *сипа* ‘невежа’); по внешним признакам (д. *Кóлчино*, *колча* ‘хромоногий, колченогий человек’, д. *Поли́бино*, *полиба* ‘обожжённый, погорелый’, д. *Трóскино*, *троска* ‘длинный, высокий’); по профессии и социальной характеристике человека (д. *Кóнюхово*, д. *Поварня́*, д. *Смо́льки*) и другие – всего 266 онимов).

Своеобразную историческую, этнографическую и хозяйственную характеристику Андреапольского района дают ойконимы, отражающие: 1) хозяйственную деятельность человека (д. *Гарь*, *гарь* ‘выгоревшее или выжженное место в лесу’; д. *Дербéнь*, *дербень*, *дерба* ‘новина, рощисть, подсека; залежь, вновь поросшая лесом’; д. *Зáсека*, *засека* ‘вырубленный лес, просека’; д. *Коря́биха*, *карябать* ‘раздирать, расцарапывать, бороновать’; *Красное Лядо*, *лядина* ‘вырубленное и выжженное под пашню или сенокос место в лесу’; д. *Апо́лец*, *ополье* ‘безлесное пространство’; д. *Пустошка*, *пустошь* ‘пашня, оставленная для восстановления плодородия’; д. *Вéтошки*, *ветошь* ‘выпаханная земля, требующая отдыха’); 2) типы и границы поселений, виды построек (д. *Сели́ще*, д. *Сéлино*, д. *Сельцо́*, д. *Городно́*, д. *Слобода́*, д. *Губино*, *губа* ‘селение, хутор, округ, выселок’; д. *Кардо́н*, *кордон* ‘помещение лесников, пост охраны леса и заповедников’; д. *Мы́за*, *мыза* ‘усадебная хутор, заимка’; д. *Печи́ще*, *печище* ‘разрушенное и заброшенное поселение’); 3) этнические наименования жителей (д. *Ля́хово*, *лях* ‘поляк’, д. *Поля́ки*, д. *Му́рзино*, *мурза* ‘татарский

князь', д. *Цыгáнка*, д. *Донскóе*, д. *Инькино*, *инка* 'инородка'); 4) занятия людей и черты быта (д. *Ёзвы (Язвы)*, *Язница*, *езовище* 'место, где ставятся ез(яз) со вскрытием реки; ез (яз) запруда на реке для ловли рыбы'; д. *Грибель*, *грибель* 'плотина', д. *Прудíшенька*, *прудить* 'перегораживать плотиной'; д. *Бáрдино*, *барда* 'отходы винокурения и пивоварения в виде гущи', д. *Бузань*, *буза* 'сусло, молодое пиво, брага').

Названия населённых пунктов естественно-географического характера (408 наименований), связаны с базовыми элементами, отражающими разнообразие природных условий, животного и растительного мира Андреапольского района.

Особый интерес для изучения любого региона представляет географическая апеллятивная лексика, которая отражает: 1) особенности местного ландшафта (д. *Гóрка (Гóрки, Горицы)*, д. *Борóк*, *борок* 'возвышенное сухое место среди болот, гора, покрытая лесом'; д. *Гребнёво*, д. *Сóпки*, д. *Сухóе Веретье*, *веретье* 'сухое возвышенное место среди леса, среди болот'; д. *Рытáвица*, *рытвина* 'ров, канава от дождей, овражек'; д. *Занóги*, *занога* 'место между двумя горами, низина, впадина у реки, заливаемая вешними водами'; д. *Зерко́лиха*, *зеркало* 'гладкая ровная поверхность', д. *Рóвенка ровень* 'равнина'); 2) гидрографические термины (д. *Ба́лтинка*, *балта* 'болото', д. *Бро́нное Рёпище*, *репище* 'низкий болотный луг', д. *О́лех*, *олех* 'топкое болото с ольховыми зарослями', д. *Бу́чково*, *буча* 'глубокая яма на дне реки, омут, водоворот на реке', д. *Зати́ишки*, *затишье* 'заводь реки, участки спокойной воды между зарослями тростника', д. *Ключево́е*, *Клю́чки*, *ключ* 'родник', д. *Пахнь*, *пах* 'бухта, небольшой залив', д. *Перелáз*, *перелаз* 'брод на реке', д. *Пере́сыпница*, *пересып* 'наносы, отмель на реке; глубокое место за мелью', д. *Студе́ница*, *студенец* 'родник, ключ, колодец', д. *Су́токи*, *сутока* 'место слияния двух рек', д. *Та́лица*, *талица* 'незамерзающие ручьи, озера, болота с бьющими родниками'); 3) специфику почвенного покрова и грунта местности (д. *Желткóво*, *желтяк* 'жёлтый песок', д. *Красно́полье*, д. *Песча́ха*, д. *Песча́нка*, д. *Ту́фанка*, *туф* 'камневатая, затвердевшая земля'); 4) виды растительности (д. *Бор*, *Большой Бор*, *Шипу́лин Бор*, д. *Бредня́к*, *бредняк* 'кустарник', д. *Гу́цино*, *гуцина* 'чаща, густой лес, густая трава', д. *Колоти́лово*, *колотье* 'лес, годный для вырубki на дрова', д. *Молоду́шкино*, *молодь* 'молодая лесная поросль', д. *Терéнино*, *терен* 'колючее дерево или кустарник', д. *Лубе́нькино*, *луб* 'пласт, кусок коры липы, вяза и других лиственных деревьев вместе с волокнистой внутренней частью', д. *Лу́тки*, *лутье* 'молодой липняк, годный для дражня лыка', д. *Ви́шера*, *виша* 'наплав, речная зелень, растение речная губа, бодяга, водяга', д. *Кушаре́во*, *кушара* 'водяная трава', д. *Острецо́во*, *острец* 'растение из семьи злаков').

Особое место в ойконимии Андреапольского района занимают названия населённых пунктов, данные в советское время (советонимы). В первые послереволюционные годы в отношении к географическим названиям царил исключительно идеологический подход. Топонимы, отражавшие в себе дореволюционные исторические реалии, признавались идейно вредными и исчезали с географической карты и из официальных документов, а взамен насаждались новые политические названия. Советонимы содержат в себе абстрактно-идеологические и оценочно-метафорические понятия и реалии советской эпохи (д. *Побéда*, д. *Пробуждéние*, д. *Просвещéние*, пос. *Октя́брь*, д. *Свобóда*, д. *Крáсный Октя́брь*). Среди современной ойконимии особую группу составляют названия-переосмысления (пос. *Сóлнечный*, пос. *Дру́жный*, пос. *Рáдостный*).

Ойконимия не только системна, но и структурна, поэтому каждой ойконимической системе соответствуют названия определённой структуры. Знание закономерностей построения производных ойконимов способствует их этимологизации, т.к. новые названия возникают как результат развития определённых топонимических рядов, морфологических и семантических типов и словообразовательных моделей. Ойконимия Андреапольского района отражает все характерные черты русской топонимической системы и изучение словообразовательной структуры топонимов помогает определить круг топоформантов, активно или периодически участвовавших в образовании собственных имён населённых пунктов, характер и состав топооснов.

Основным способом образования русской ойконимии в целом, и андреапольской в частности, является морфологический в аффиксальной разновидности, что признано исследователями главным славянским топонимическим типом. Наиболее продуктивным является суффиксальный способ, что соответствует характеру славянской ойконимии. Русские словообразовательные возможности для ойконимов среднего рода ограничены формантами *-ово* (*-ево*), *-ино* и *-ено*, что не означает, однако, малой продуктивности этих суффиксов. Наоборот, именно отсутствие вариативности способствует их распространённости (около 300 фактов, которые составляют 44,5% от общего числа ойконимов, образованных суффиксальным способом): *Абакан-ово*, *Андрон-ово*, *Вишняк-ово*, *Данил-ово*, *Журавл-ево*, *Пан-ово*, *Чурил-ово*; *Алекс-ино*, *Ваул-ино*, *Мит-ино*, *Плакс-ино*; *Губ-ено*, *Синич-ево*, *Шуст-ено* и др. Суффиксы мужского рода многообразны, но малопродуктивны: *-ец* (*Бу-ец*, *Вдо-вец*, *Крут-ец*, *Рябин-ец*), *-ок* (*Город-ок*, *Бор-ок*), *-як* (*Бредн-як*), *-иж* (*Велиж*). Среди формантов существительных женского рода наиболее продуктивен суффикс *-ка* и его варианты: *Барань-ка*, *Кушелев-ка*, *Пустошка-ка*, *Кожан-ка*, *Симон-ка*; *Борис-овка*, *Влас-овка*, *Орех-овка*, *Осин-овка*,

Сувор-овка; Гагар-инка, Нов-инка, Стар-инка, Сав-инка; Миш-енка, Песч-анка, Туф-анка. Ойконимы женского рода с суффиксом *-иха* также распространены и образованы от личных имён и прозвищ (*Адам-иха, Баран-иха, Бекляш-иха, Зайч-иха, Медвед-иха, Мартьян-иха*).

В словообразовании ойконимов изучаемого региона участвуют приставки *за-, под-* пространственно-ориентирного значения, как правило, в сочетании с суффиксацией (*За-болот-ье, За-гор-ье, За-лож-ье, За-пруд-ье, За-сел-ино, Под-берез-ье, Под-вяз-ино, Под-гор-ье, Под-дуб-ье*).

К морфологическому способу производства относятся и формы множественного числа (*pluralia tantum*), занимающие значительное место в ойконимии Андреапольского района. К ним относятся флексийные и суффиксально-флексийные способы. В первых образующими формантами являются флексии *-и (-ы)*: *Быстр-и, Заног-и, Кондраш-и, Лаг-и, Лопач-и, Сопк-и, Борис-ы, Ботал-ы, Крест-ы*. В суффиксально-флексийных ойконимах множественного числа используются форманты *-ки (Внуч-ки, Ветош-ки, Затиш-ки, Ключ-ки), -ищи (Печ-ищи, Яков-ищи, Янов-ищи), -ята (Борон-ята, Жбан-ята, Марчен-ята), -ицы (Гор-ицы, Забел-ицы, Хотил-ицы)*.

Морфолого-синтаксический способ образования, при котором ойконимы возникают на основе субстантивированных прилагательных, малопродуктивен в системе наименований Андреапольского района. Но в общерусской ойконимии субстантивированные прилагательные очень распространены благодаря тому, что семантически это группа слов, основным категориальным содержанием которой является обозначение признака. Продуктивность прилагательных в топонимии объясняется не только категориальным значением слов этой группы, но и гибкостью её морфологической структуры, и свободной синтаксической сочетаемостью. Прилагательное принимает род номенклатурного слова, относящего поселение к определённой группе (село, хутор, посёлок, деревня). Прилагательное обычно имеет характеризующее значение (по рельефу местности, по занятиям жителей, по месту расположения и другим признакам): *Алексеевское, Боровская, Вольная, Донское, Ключевое, Луговая, Никольская, Овсянинский, Хорошее*.

Наиболее продуктивным в ойконимии Андреапольского района является лексико-синтаксический способ, при котором ойконим образуется из словосочетания, представляющего собой тополексему. В качестве типичных тополексем выступают сочетания *прилагательное + существительное (Белый Ручей, Большой Бор, Великое Село, Верхняя Мельница, Гладкий Лог, Зимний Ручей, Малое Вдовино, Чёрная Грязь), существительное + существительное (Кардон, Пушня)*. Значительное число ойконимов с бинарными противопоставлениями дифференцирующих

элементов, в качестве которых чаще всего используются пары слов «большой – маленький» (*Большое Вдовино – Малое Вдовино*), «верхний – нижний» (*Верхний Аполец – Нижний Аполец*), «старый – новый» (*Старая мельница – Новая Мельница*).

Изучение ойконимии Андреапольского района показало, что названия населённых пунктов представляют собой особым образом организованную систему, которая формировалась в течение длительного времени под влиянием различных индоевропейских и неиндоевропейских языков, отражает исторические и социально-культурные факты развития края, специфику окружающей среды и заселения исследуемой территории. В большинстве своём ойконимические процессы протекали естественным путём, однако в некоторых случаях происходит активное вмешательство в эти процессы экстралингвистических факторов. Проанализированный фактический материал представляет определённый лингвострановедческий интерес, т.к. ойконимы являются отражением истории края, культуры создавшего его народа и его языка.

Е. Н. Арефьева, В. Н. Ерохин

**«ЛЕТОПИСЬ О СОБЫТИЯХ В ТВЕРИ 1762–1823 ГОДОВ»
ТВЕРСКОГО КУПЦА МИХАИЛА ТЮЛЬПИНА
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ РУБЕЖА XVIII–XIX ВЕКОВ**

The article is devoted to the preliminary description of «The chronicle of the events in Tver.1762-1823» kept by a Tver merchant Mikhail Tyulpin which is preserved in Tver Regional State Archive. The publication, commentary and investigations of the whole text on all language levels enable to solve some problems connected with the history of the Russian literary language, sociolinguistics and historical dialectology. The chronicle is a unique and valuable source for reconstructing speech characteristics of a language personality at the turn of XVIII-XIX centuries and for describing the language and cultural situation at that time.

Key words: history of the Russian language, language personality, dialectology, sociolinguistics.

Языковая и культурная ситуация конца XVIII – начала XIX в. отличается чрезвычайной сложностью и противоречивостью. С одной стороны, она описана сверхтщательно и подробно¹. С другой, остаются незаполненные лакуны, связанные с языковой личностью автора текста

¹ Ссылки на все работы по этой теме могут превысить объём статьи.